

ГРАММАТИКА И ЛОГИКА.

Въ прежнее время подъ именемъ грамматики разумѣлся школьный учебникъ, маленькая книжка, извѣстная каждому съ дѣтства. Въ университетахъ читались иногда какіе-то курсы по грамматикѣ; но никто не зналъ, какое они имѣютъ отношеніе къ школьной грамматикѣ и существуютъ ли въ дѣйствительности такая грамматика, которую можно назвать не школьнымъ предметомъ, а наукою. Первымъ вывелъ эту университетскую науку въ большую публику проф. Овсяннико-Куликовскій, составившій «научный» синтаксисъ. У него явились подражатели, приспособлявшіе науку къ школѣ. Въ педагогической литературѣ заговорили о научной грамматикѣ. Получила права гражданства идея Потевни, учителя Овсяннико-Куликовскаго, что грамматика должна и можетъ быть особою наукою или, по меньшей мѣрѣ, особою вѣтвью языковѣдѣнія, которое всѣми признано за науку. Чтобы стать особою наукою, грамматика должна была отмежеваться отъ прочихъ наукъ и прежде всего отъ логики, которой она обычно подчинялась, какъ нѣчто служебно-практическое. Въ педагогическихъ журналахъ, въ статьяхъ и рецензіяхъ, стало общимъ мѣстомъ требованіе, чтобы грамматика отдѣлялась отъ логики. Чуть не всякая рецензія посредственныхъ или плохихъ учебниковъ грамматики сводила всѣ изъязыны и погрѣшности составителей къ ихъ основному и вѣчному грѣху, — къ смѣшенію грамматики съ логикою. Этотъ принципъ раздѣленія и теперь всюду считается чѣмъ-то безспорнымъ, не требующимъ доказательствъ. Но удалось ли университетской наукѣ осуществить это раздѣленіе и стать совершенно самостоятельной наукою, независимой отъ логики?

Сторонники идеи Потевни теоретически это раздѣленіе представляютъ себѣ очень просто. Человѣческая рѣчь имѣетъ двѣ стороны — форму и смыслъ. Логика изучаетъ смыслъ, грамматика должна изучать форму, — и раздѣленіе готово.

Посмотримъ же, насколько осуществима надежда создать особую науку, изучающую форму рѣчи. Наука эта, несомнѣнно, должна быть индуктивной, такъ какъ дедукція въ примѣненіи къ формамъ человѣческой рѣчи есть нѣчто невысказанное. Наука эта должна установить тѣ единообразія въ явленіяхъ человѣческой рѣчи, которыя можно было бы назвать научными законами. Научный законъ — это опредѣленная постоянная связь между явленіями. Можно ли въ области формъ человѣческой рѣчи найти эти законы? Очевидно, нѣтъ. Единообразія мы здѣсь найдемъ, но эти единообразія нельзя назвать научными законами.

Школьныя грамматики состоятъ изъ «правилъ» и парадигмъ. Правило условно можно назвать грамматическимъ закономъ, но это не научный законъ. Парадигма есть тоже наглядное изображеніе ряда грамматическихъ правилъ. Въ грамматикѣ находимъ парадигму: столъ, стола, столу и т. д. Тутъ устанавливается рядъ единообразій: если слово оканчивается на «ъ», то въ такомъ-то другомъ случаѣ оно будетъ непременно оканчиваться на «а», въ третьемъ случаѣ на «у» и т. д. Но для какихъ же словъ обязательно это единообразіе? Если мы будемъ оставаться только въ области формъ рѣчи, не переходя грани чужой науки — логики, то мы никогда не сможемъ дать отвѣта на этотъ вопросъ. Оставаясь въ области формъ, можно было дать только такой отвѣтъ: единообразію этому подчинены «слова на «ъ» (т.-е. и слова «противъ», «пришелъ» и т. д.). Существеннымъ характеромъ всякаго научнаго закона являются его необходимость и всеобщность. Если въ извѣстной области разрозненныя знанія не могутъ быть сведены къ общимъ положеніямъ, такую область знаній нельзя назвать наукою. Грамматическія же единообразія, наблюдаемыя въ области формъ, не только не являются всеобщими и необходимыми, но даже не имѣютъ сами по себѣ никакихъ установленныхъ предѣловъ для своего примѣненія. Чтобы знать, какія слова подчинены единообразію: «ъ», «а», «у» и т. д., остается только перечислять такія слова за неизмѣнимъ критеріевъ для обобщеній. И дѣйствительно, грамматика, ограниченная изученіемъ только формъ, могла бы въ своихъ изысканіяхъ пользоваться только тѣмъ индуктивнымъ методомъ, который состоитъ въ случайномъ перечисленіи; при этомъ методѣ не можетъ возникнуть никакой науки. Грамматическія единообразія не могутъ намъ дать полного индуктивнаго заключенія, такъ какъ тутъ не только точно неизвѣстна связь между изслѣдуемыми единичными предметами и родомъ, къ которому они принадлежатъ, но даже не можетъ быть установленъ родъ. Тутъ мы наблюдаемъ обыкновенно лишь сосуществованіе явленій, но не причинную связь,

которой нѣтъ въ области формъ языка. Роды и причинная связь устанавливаются лишь съ того момента, какъ отъ формъ мы перейдемъ къ смыслу рѣчи, т.-е. обратимся за помощью къ другой, подлинной наукѣ, къ логикѣ. Если парадигма для словъ на «ъ» помѣчаетъ въ род. п. мн. ч. два окончанія «овъ» и «ъ», то, сколько бы мы ни изучали языкъ, мы никогда не найдемъ ни причинной связи между этими формами и другими, ни даже того рода предметовъ, того разряда словъ, который, въ отличие отъ другого рода, имѣетъ въ род. п. мн. ч. «овъ», а не «ъ». Послѣднимъ предѣломъ знанія здѣсь будетъ не открытіе научнаго закона, а лишь исчисленіе словъ, имѣющихъ въ род. п. мн. ч. «ъ». Обратившись къ логикѣ, къ логическимъ категоріямъ, мы послѣ этого исчисленія скажемъ: «а остальные сущест- вительныя на «ъ» имѣютъ въ род. п. мн. ч. «овъ»; этимъ мы установимъ родъ, классъ явленій. Если же не захотимъ обратиться къ логическимъ категоріямъ, то мы и объ этомъ второмъ родѣ предметовъ ничего не будемъ знать: не будемъ знать, гдѣ, въ какихъ словахъ бываетъ «овъ».

Чуть не каждое правило грамматическое допускаетъ исключенія. И это не зависитъ отъ несовершенства нашихъ знаній. Нельзя думать, что стоитъ ученымъ приняться за работу и глубже проникнуть въ явленія языка, и тогда будутъ открыты научные законы. Въ области, напр., историческихъ знаній мы можемъ еще питать надежду на прогрессъ человѣческой мысли: быть-можетъ, историческіе законы будутъ открыты, и исторія станетъ наукою. Но въ области грамматическихъ знаній, если подъ грамматикою разумѣть лишь изученіе формъ и ихъ сочетаній, такой надежды нѣтъ и не можетъ быть. Тамъ закон- мѣрность, быть-можетъ, еще не открыта; здѣсь ее нельзя уже открыть: она уже безвозвратно нарушена.

Факторомъ, рѣзко нарушающимъ закон- мѣрность грамматическихъ явленій, бываетъ такъ называемая аналогія, т.-е. случайное уподобленіе чему-либо чуждому. Грамматическое явленіе, относящееся къ извѣстной грамматической категоріи, вдругъ, неожиданно для насъ подчиняется закону другой категоріи, а не той, къ которой оно принадлежитъ. Аналогія настолько проникла во всѣ категоріи рѣчи и во всѣ явленія языка, что совершенно исказила грамматическую закон- мѣрность, если какая и была; явленія перепутались; законы оказались не всеобщими, стали другъ другу противорѣчить; правила исказились ничѣмъ не обоснованными исключеніями; и, сколько бы ученые не работали въ этой области, исключенія никогда не исчезнуть, языкъ не можетъ быть исправленъ; только новый, искусственно созданный языкъ можно было бы подчинить устанавливаемой

для него грамматической закономерности. Ошибочно было бы думать, что дальнейшее изучение языка может найти законы и в той области явлений, которая подчинилась господству аналогии. Уже самое понятие об аналогии противоречит понятию о закономерности. За аналогией не скрывается неведомых принципов, открытие которых дало бы возможность установить в аналогиях закономерность. Аналогия состоит в сл у ч а й н о м ь, незаконном уподоблении. Для нея нет логических оснований. Простой наблюдатель языка может легко констатировать в языке такой-то факт аналогии, т.-е. отметить, что такое-то явление не подчиняется закону; ученый исследователь языка может еще доискаться ответа на вопрос, чему уподобилось это явление, отступившее от закона; но ни простой наблюдатель, ни ученый не решают вопроса, почему это явление, не подчиняясь своему закону, стало подчиняться чуждому закону. Некоторые существительные на «ъ» в имен. п. мн. ч. стали, вместо «ы», оканчиваться на «а». Ученый может «открыть», какой иной парадигм, вместо обычной и законной для них, подчинились эти слова: онъ, быть-можетъ, скажетъ, что это окончание «зайствовано» из парадигмы словъ среднего рода или откуда-нибудь еще. Но онъ не можетъ решить вопроса, почему произошло это уподобление. Тутъ не можетъ быть открыто достаточное логическое основание; тутъ нетъ причинной связи между единичными явлениями и родомъ, къ которому ученый ихъ причислить; тутъ не можетъ быть установленъ и этотъ родъ. Самые тщательныя изысканія и самыя глубокомысленныя соображенія не могутъ здѣсь повести дальше того, что стоитъ въ любомъ школьномъ учебникѣ грамматики. Окончание «а» имѣютъ «многιά», «нѣкоторыя» «существительныя». Но какія же именно? Ихъ можно перечислить (*enumeratio simplex*), но нельзя установить рода или класса; перечисленные слова не будутъ имѣть общихъ признаковъ для установленія рода или класса явлений. И виною этому служить не несовершенство нашихъ знаній, а самая природа вещей. Въ ученыхъ трактатахъ аналогия обыкновенно объясняются звуковымъ сходствомъ, «смѣшеніемъ» звуковъ и т. п. Но такія объясненія заключаютъ въ себѣ простую тавтологию и не открываютъ собою никакой истины. Эти объясненія констатируютъ лично тотъ фактъ, что въ разбираемыхъ звуковыхъ явленияхъ нетъ закономерности, что вмѣсто строгаго разграниченія тутъ господствуетъ смѣшеніе.

Ошибочно также было бы думать, что закономерность грамматическихъ явлений можно возстановить историческимъ изученіемъ языка. Мы не знаемъ ни языковъ, ни отдѣльныхъ эпохъ въ жизни языка, гдѣ аналогия не имѣла бы мѣста, гдѣ господствовала бы полная законо-

мѣрность. При томъ же, если бы отыскалась такая эпоха, вѣдь ея законы не имѣли бы никакого значенія для насъ, говорящихъ нынѣ на этомъ языкѣ. Историческое изученіе языка только объясняетъ нѣкоторыя явленія языка, но ничего не можетъ прибавить къ закономерности ихъ. И въ этомъ пунктѣ между грамматикою и индуктивными науками большая разница. Созданію научныхъ законовъ предшествуютъ двѣ ступени въ развитіи знаній: 1) накопленіе знаній и 2) критическій отборъ накопленнаго. Многія дисциплины, называемыя въ общежитіи наукою, пока еще состоятъ только въ собираніи и описаніи явленій или въ классификаціи явленій и установленіи единичныхъ истинъ. Эти дисциплины, не дошедшія еще до законовъ, не стали еще наукою; онѣ лишь даютъ или дадутъ матеріаль для будущей, самостоятельной науки, которая не можетъ возникнуть безъ накопленія и критическаго отбора знаній. Нужны ли для грамматики это предварительное накопленіе и критическій отборъ явленій языка? Очевидно, нѣтъ.

Всякій взрослый человѣкъ въ своей собственной рѣчи, въ томъ запасѣ словъ и грамматическихъ оборотовъ, который онъ употребляетъ, имѣетъ совершенно достаточный матеріаль для грамматическихъ обобщеній, для открытія грамматическихъ законовъ, если они есть. Если я не знаю всѣхъ словъ русскаго языка, я все-таки сумѣю склонять, спрягать и употребляетъ въ рѣчи всякое новое русское слово, которое узнаю. Съ расширеніемъ моего личнаго словаря, не явятся новыя склоненія, нынѣ мнѣ невѣдомыя. Жалуются, что слогъ отдѣльных писателей мало изученъ, что у насъ не составлены еще словари для эпохъ и писателей; но расширеніе нашихъ знаній въ эту сторону не откроетъ новыхъ законовъ, пригодныхъ для нашей рѣчи. Историческое изученіе слога прежнихъ писателей даетъ, быть-можетъ, нѣкоторыя новыя грамматическія нормы, бывшія въ употребленіи раньше, но эти нормы останутся непригодными для насъ, для употребляемой нами рѣчи. Кто свободно владѣетъ языкомъ, тотъ, очевидно, знаетъ уже практически тѣ законы и правила, которыми руководится рѣчь. Грамматика въ этомъ случаѣ похожа на тѣ науки, которыя при изысканіи матеріала пользуются самонаблюденіемъ. Какъ психологъ въ своей собственной душѣ имѣетъ неисчерпаемый запасъ психическихъ явленій, которыя могутъ ему служить матеріаломъ для построенія науки, такъ и каждый владѣющій языкомъ можетъ въ своемъ словарѣ, въ своихъ грамматическихъ навыкахъ имѣть совершенно достаточный матеріаль для изысканія грамматическихъ законовъ, и мы совершенно можемъ быть увѣрены, что съ расширеніемъ матеріала законы эти не измѣнятся и не окажутся ошибочными.

Мы узнаём новыя слова и новыя обороты рѣчи, но не узнаём новыхъ законовъ, не примѣнявшихся въ нашей рѣчи. Кто владѣеть языкомъ, тотъ находится уже во всеоружіи грамматическаго знанія. Грамматика и языкъ въ этомъ случаѣ находятся въ болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ, напр., логика и нормы мышленія. Мыслить мы тоже научаемся практически, безъ учебниковъ логики, и тѣмъ не менѣе у насъ правильное мышленіе постоянно чередуется съ неправильнымъ; усвоивши практически законы и нормы мышленія, мы почему-то постоянно отступаемъ отъ нихъ. Это происходитъ, конечно, оттого, что мы плохо, не совсѣмъ усвоили эти законы и нормы. Нужно продолжительное ученіе, долгая умственная практика, чтобы усвоить всѣ нормы мышленія и мыслить, если не всегда, то по большей части безошибочно. Грамматическія же нормы усваиваются гораздо легче и скорѣе, и это происходитъ, конечно, отъ элементарности, очень большого постоянства и однообразія этихъ нормъ, а больше всего отъ ихъ непрестаннаго, ежедневнаго и ежечаснаго повторенія. Склонять, спрягать слова, устанавливать согласованіе и управленіе словъ мы научаемся еще въ дѣтствѣ, и намъ не приходится всю жизнь совершенствоваться въ этомъ искусствѣ, какъ мы совершенствуемся, напр., въ искусствѣ мышленія.

Намъ скажутъ, что, владѣя литературнымъ языкомъ, мы не знаемъ, напр., грамматики народнаго языка, и что, если бы мы изучили народную рѣчь, то мы расширили бы наши грамматическія познанія. Да, мы расширили бы ихъ, но это расширение было бы лишь теоретическимъ знаніемъ, неспособнымъ поколебать устои нашей привычной рѣчи. Мы узнали бы еще грамматику народнаго языка, какъ могли бы узнать грамматику нѣмецкую, французскую и т. д. Но перенести законы изъ одной грамматики въ другую, приспособить одинъ языкъ къ другому, литературный къ народному или наоборотъ, мы не могли бы. Если нормы языка народнаго и литературнаго гдѣ-нибудь разошлись бы, то намъ пришлось бы дѣлать между ними выборъ, и мы не могли бы соединить ихъ въ одну общую норму, свести къ одному грамматическому закону. Смотря по вкусу и выбору, за «правильную» можно признать и литературную рѣчь и народную; но нельзя объединить ихъ въ какую-нибудь третью, признавъ ее еще болѣе правильною. Объединеніе возможно лишь съ того момента, какъ отъ грамматики, изучающей только формы рѣчи, мы перейдемъ къ мышленію, къ логическимъ нормамъ.

Такимъ образомъ предыдущія разсужденія показываютъ намъ, что существуетъ очень мало надеждъ на созданіе грамматики какъ самостоятельной науки, изучающей формы языка, въ отличіе отъ логики,

изучающей смыслъ словъ. Тѣмъ большій интересъ представляетъ недавняя новая попытка вывести эту университетскую науку въ большую публику, знакомую лишь съ школьными грамматиками. Мы говоримъ о книгѣ Пѣшковскаго, озаглавленной: «Русскій синтаксисъ въ научномъ освѣщеніи» (М. 1914 г.), и дополняемой брошюрою: «Школьная и научная грамматика».

Въ этой книгѣ, научнымъ фундаментомъ которой послужили прежде всего университетскіе курсы проф. Фортунатова и Поржезинскаго, торжественно заявляется, что школьная грамматика даетъ мнимыя знанія, что она ненаучна, что она не только «упрощаетъ факты», но и «искажаетъ» ихъ, что ей на смѣну должна итти научная грамматика, «отдѣляющая грамматическую сущность рѣчи отъ ея ложнопсихологическаго содержанія». Эта большая книга (440 стр.), популярно изложенная, даетъ читателю массу матеріала изъ области грамматическихъ знаній. Мы ограничимся разборомъ основныхъ положеній и посмотримъ лишь на то, проченъ ли фундаментъ этого вновь воздвигаемаго зданія научной грамматики, такъ рѣзко отдѣлившейся отъ грамматики школьной и отъ логики.

Научная грамматика изучаетъ «формы словъ и сочетаній словъ языка». Она все время сперва говоритъ о формахъ словъ и вездѣ считаетъ ихъ исходнымъ пунктомъ для разныхъ заключеній и обобщеній. Она распредѣляетъ формы по группамъ и на этомъ распредѣленіи строить грамматическую классификацію. «Всѣ слова по формамъ своимъ могутъ быть классифицированы въ различные разряды и подразряды». «Нѣкоторые изъ этихъ разрядовъ и подразрядовъ сознаются въ то же время, какъ особыя, основныя формы словъ, суммирующія въ своемъ значеніи значенія отдѣльныхъ формъ, характерныхъ для того или иного разряда или подразряда». Это и есть части рѣчи. «Такихъ основныхъ формъ въ русскомъ языкѣ 7: глаголь, прилагательное, существительное, причастіе, нарѣчіе, дѣепричастіе, инфинитивъ». «Глаголь есть слово, имѣющее синтаксическія формы лица, числа (или рода и числа), времени и наклоненія и обозначающее въ соотвѣтствующихъ формальныхъ элементахъ своихъ признаковъ, создаваемый дѣятельностью предмета». «Прилагательное есть слово, имѣющее синтаксическія формы падежа, числа и рода и обозначающее въ соотвѣтствующихъ формальныхъ элементахъ признаковъ, заложенный въ природѣ предмета», и т. д. Всѣ дальнѣйшія опредѣленія грамматическихъ категорій построены по этому же принципу, который повелъ и къ составленію новой классификаціи частей рѣчи. Чѣмъ же отличается этотъ «научный» принципъ отъ обычныхъ методовъ классификаціи и опредѣленія, принятыхъ ненаучною, школьною грамматикою?

Это — методъ обратный, идущій отъ формы къ смыслу, а не отъ смысла къ формѣ, какъ это дѣлается въ школьной грамматикѣ. Школьная грамматика основывается на логическихъ категоріяхъ. Слова языка суть символы понятій; понятія въ умѣ мыслящаго человѣка распределены по классамъ, родамъ и видамъ. Наиболѣе обширными по объему являются три класса: 1) предметы, 2) качества, 3) дѣйствія. Этимъ тремъ классамъ понятій и соотвѣтствуютъ три основные класса названій или словъ: 1) названія предметовъ или имена существительныя, 2) названія качествъ — имена прилагательныя, 3) названія дѣйствій — глаголы. Каждая изъ этихъ категорій имѣетъ свои грамматическія формы. Научная грамматика хочетъ вести дѣло въ обратномъ порядкѣ: она прежде всего пытается установить классы по формамъ. Остановимся пока на этомъ моментѣ и посмотримъ, что должно было бы выйти и что вышло изъ этого распределенія по формамъ.

Обратиться исключительно къ формѣ словъ, устраняя логическія категоріи, это значитъ представить человѣческую рѣчь въ видѣ большой кучи типографскаго шрифта, разсыпавшагося по отдѣльнымъ словамъ. Послѣ кропотливаго труда слова эти можно размѣстить кучками по формамъ; можно подобрать кучки словъ, одинаково измѣняющихся; въ концѣ концовъ мы можемъ получить какъ разъ то, что фигурируетъ въ школьныхъ грамматикахъ подъ видомъ парадигмъ. Это будетъ грамматика, состоящая изъ однихъ парадигмъ, безъ всего остального текста, потому что остальной текстъ, представляющій классификацію и опредѣленія, построенъ не на формахъ, а на логическихъ категоріяхъ и смыслѣ. Что можно дальше дѣлать съ этими парадигмами? Можно набирать новыя и новыя формы: получатся исключенія, отступленія отъ парадигмъ. Но сколько мы ни продолжали бы работу, у насъ не получится критерія для распределенія словъ языка по этимъ парадигмамъ съ ихъ исключеніями; грамматика будетъ заключать въ себѣ образцы, но не законы. Но вотъ взялась за дѣло научная грамматика, и въ результатѣ распределенія словъ по формамъ у ней получились (за небольшими отступленіями, о которыхъ рѣчь ниже) тѣ же самыя категоріи, которыя фигурируютъ въ ненаучной, школьной грамматикѣ. Какимъ же образомъ это случилось? Вѣдь это совершенно новое дѣленіе, имѣющее иное совершенно основаніе; какимъ же образомъ получились тѣ же члены, какіе были при логическомъ дѣленіи? Это произошло оттого, что тутъ основаніе незамѣтно подмѣнено: задумали дѣлить по формѣ, и раздѣлили по логическимъ категоріямъ; а раздѣливши, стали доказывать, что дѣленіе произошло отнюдь не по смыслу, а исключительно

по формѣ. Такъ какъ безъ анализа смысла словъ, безъ логическихъ категорій не могло бы выйти никакой цѣнной классификаціи, нельзя было бы установить роды и дать опредѣленія, то смыслъ все-таки былъ принятъ въ расчетъ, но ему всячески стараются отвести самую послѣднюю роль.

Глаголь имѣетъ такія-то формы и означаетъ дѣйствіе, — это говоритъ любая школьная грамматика. Научная грамматика говоритъ то же, но хочетъ доказать, что этотъ выводъ, это опредѣленіе получены не тѣмъ путемъ, который намѣченъ въ школьной грамматикѣ, а обратнымъ. Да, говоритъ она, глаголь означаетъ дѣйствіе, но это дѣйствіе заключается не въ смыслѣ, а въ формѣ слова, въ «формальныхъ частяхъ» глагола, т.-е. въ томъ, что школьная грамматика называетъ флексіями или окончаніями. Обозначеніе дѣйствія заключается не въ понятіи «ходить», не въ корнѣ слова, являющагося символомъ понятія, а въ окончаніи «ить» — вотъ основной принципъ, выставлемый научною грамматикою. Но какъ же доказать это положеніе, которое кажется совершенно парадоксальнымъ? Въдъ непосредственный опытъ убѣждаетъ каждого, что произнесеніе звуковъ «ить» не вызываетъ въ умѣ никакого представленія о дѣйствіи. Научная грамматика отвѣчаетъ, что «формальное значеніе» потому и не замѣчается, что «оно, какъ говорятъ психологи, находится въ подсознательной области». Грамматика эта убѣждаетъ насъ «отвлечься отъ вещественныхъ значеній», «не думать о нихъ, забыть о нихъ, потому что они иной разъ прямо заслоняютъ отъ насъ форму своимъ жизненнымъ вѣсомъ, своей психологической, такъ сказать, массой». Такимъ образомъ, отрекаясь отъ очевидности, научная грамматика противопоставляетъ ей «подсознательную область». Для сознанія въ окончаніи нѣтъ представленія о дѣйствіи, но оно хранится въ «подсознательной области». Такое доказательство есть лишь злоупотребленіе психологическимъ терминомъ. Безсознательная душевная работа происходитъ лично надъ тѣми элементами, которые раньше когда-нибудь были въ сознаніи. Но когда же эти представленія о дѣйствіи были связаны въ сознаніи говорящаго съ звуковыми ощущеніями окончаній глагола? Далѣе научная грамматика ссылается на первобытнаго человѣка. «Части рѣчи — древнѣйшее наслѣдіе языковъ. Онѣ идутъ къ намъ изъ глубины десятковъ и сотенъ тысячъ лѣтъ». «Глаголь создавали первобытные люди», которымъ вся природа казалась живою; «въ глаголь человѣкъ выразилъ, по всей вѣроятности, собственную свою волю и силу собственныхъ своихъ мускуловъ». Но всѣ эти предположенія о роли глаголовъ въ мышленіи первобытнаго человѣка — ни на чемъ не основанная догадка. Тутъ

опять можно спросить: развѣ мышленіе первобытнаго человѣка сохранилось и нынѣ у каждаго изъ насъ, рядомъ съ теперешнимъ нашимъ собственнымъ мышленіемъ? Третій аргументъ въ пользу своей теоріи научная грамматика видитъ въ существованіи такихъ глаголовъ, гдѣ «вещественное значеніе противорѣчитъ формальному», а слова тѣмъ не менѣе остаются глаголами. Составитель «Русскаго синтаксиса въ научномъ освѣщеніи» особенно настойчиво выдвигаетъ эти глаголы въ качествѣ неотразимаго аргумента. Въ обычныхъ глаголахъ формальное значеніе «сознается смутно», потому что и смыслъ слова (по терминологіи составителя: «вещественное значеніе») «уже самъ по себѣ обозначаетъ дѣйствіе»; смыслъ слова закрываетъ собою «формальное значеніе»; увидѣть его — «это то же самое, что увидѣть позолоту на золотѣ или звѣзды при яркомъ солнцѣ». Но вотъ есть глаголы, въ которыхъ смыслъ не заключаетъ никакого представленія о дѣйстви, а сами глаголы все-таки знаменуютъ дѣйствіе, — и это потому, что оно обозначено ихъ формою, т. е. окончаніемъ слова. Какіе же это глаголы? Это всего одинъ глаголъ — «лѣниться», надъ которымъ неоднократно останавливается составитель. «Вещественное значеніе глагола «лѣнюсь» — и ничего не дѣлаю, формальное — и ѣ что дѣлаю». «Подобныя противорѣчія», торжественно провозглашаетъ авторъ, «будутъ встрѣчаться намъ на протяжении всей книги, и къ нимъ надо привыкнуть. Именно они то и дѣлаютъ грамматику, какъ науку, недоступной для дѣтскаго пониманія». Указанное противорѣчіе выдвигается, какъ особенно тонкій научный аргументъ. Но въ дѣйствительности тутъ, конечно, нѣтъ никакого противорѣчія между вещественнымъ значеніемъ и значеніемъ формальнымъ и нѣтъ никакого аргумента: это простая игра словами. «Лѣнюсь» — это такой же глаголъ, какъ и всѣ остальные: онъ и по смыслу своему означаетъ дѣйствіе (дѣйствую вяло, нехотя, плохо); «вещественное значеніе» у него, какъ и у остальныхъ глаголовъ, указываетъ на дѣятельность; онъ не служитъ подспорьемъ для научной грамматики, потому что дѣйствіе у него обозначается корнемъ слова, заключается въ смыслъ, а не въ формъ. Мало того: если бы онъ дѣйствительно обозначалъ: «ничего не дѣлаю», развѣ это значило бы, что въ этомъ глаголѣ нѣтъ понятія о дѣйстви? Развѣ прибавленіе отрицанія «не» уничтожаетъ самую понятія? Къ каждому глаголу можно прибавить «не»: этой прибавкой мы не уничтожаемъ понятіе, а только отрицаемъ признакъ въ сужденіи; признакъ отрицается въ предметѣ, а въ умѣ онъ остается.

Предыдущія соображенія убѣждаютъ насъ, что аргументы научной грамматики въ пользу парадоксальной теоріи, что дѣйствіе въ глаголѣ

обозначается не смысломъ, а формою, не имѣютъ никакого вѣса; ей не удается на золотѣ показать позолоту и опровергнуть прямую очевидность; а вводя въ свои опредѣленія и логическія категоріи въ качествѣ добавочнаго элемента, она этимъ самымъ вступила на тотъ самый путь, на которомъ стоитъ школьная грамматика, не сбивавшаяся съ надлежащаго пути. Въ дѣйствительности логическія категоріи — не посторонній, добавочный элементъ, а главный исходный пунктъ всѣхъ грамматическихъ классификацій и опредѣленій; безъ нихъ классификаціи были бы невозможны, а опредѣленія безсодержательны (сводились бы къ констатированію того, что есть въ грамматическихъ парадигмахъ).

Мы видѣли, какія научная грамматика исчисляетъ части рѣчи. Въ перечнѣ не было мѣстоименія, вмѣсто глагола фигурировали четыре части рѣчи: глаголь, причастіе, дѣпричастіе, инфинитивъ (служебныя части рѣчи не идутъ пока въ счетъ). Мѣстоименія исключены потому, что школьная грамматика при выдѣленіи этого класса опирается только на признаки «вещественные», а они, по ученію научной грамматики, сами по себѣ непригодны для классификаціи словъ. Такой пуризмъ былъ бы понятенъ, если бы научной грамматикѣ удалось установить всю классификацію исключительно на признакахъ формальныхъ. Но мы видѣли, что она всюду взяла въ подмогу и «признаки вещественные», т.е. логическія категоріи. По формамъ она относитъ мѣстоименія къ существительнымъ или прилагательнымъ; но развѣ мѣстоименія подходятъ подъ тѣ опредѣленія, которыя ею же даны для существительнаго и прилагательнаго? Развѣ мѣстоименіе означаетъ «предметъ» или «заложенный въ природѣ предмета признакъ»?

Съ внесеніемъ добавочнаго основанія (логическихъ категорій) классификація, устанавливаемая въ научной грамматикѣ, оказалась очень сложною и запутанною. Цѣль классификаціи, говоритъ Милль (Система логики, 571), «заставить думать о вещахъ въ такихъ группахъ, а объ этихъ группахъ въ такомъ порядкѣ, который всего скорѣе позволилъ бы намъ припомнить и всего лучше утвердилъ бы въ нашемъ умѣ ихъ законы». Новой классификаціей эта цѣль совершенно не достигается. Такъ какъ формальныхъ признаковъ много и всѣ они принимаются за основаніе при дѣленіи съ добавленіемъ къ нимъ признаковъ логическихъ, то получается такая громоздкая и запутанная классификація, которая меньше всего можетъ «утвердить въ нашемъ умѣ» грамматическіе законы. Что такое, напр., причастіе, которое научная грамматика отмежевываетъ отъ глагола? Это — «слово, имѣющее всѣ синтаксическія формы прилагательнаго

(т.-е. формы падежа, числа и рода) и нѣкоторыя формы глагола (время, залогъ, видъ) и обозначающее въ соотвѣтственныхъ формальныхъ элементахъ признаковъ, заложенный въ природѣ предмета и въ то же время отчасти создаваемый дѣятельностью его». Въ опредѣленіи 8 признаковъ (6 формальныхъ и 2 логическихъ). Эти же признаки, группами или въ одиночку, фигурируютъ при опредѣленіи и другихъ членовъ дѣленія. Можно ли сравнить эту громоздкую классификацію съ простой классификаціей школьныхъ грамматикъ, которая опирается на классы, существующіе въ природѣ вещей, знакомые и привычныя даже для человѣка, не изучавшаго грамматики?

Доселѣ мы видѣли, какими неудачными оказались попытки научной грамматики отдѣлить грамматику отъ логики въ области этимологіи: за невозможностью опираться на однѣ формы, она всюду вынуждена была прибѣгнуть къ помощи логическихъ категорій, которыя и рѣшали вездѣ дѣло, служа критеріемъ для установленія законовъ, классификаціи и опредѣленій. Еще безнадежнѣе должна быть соотвѣтственная попытка въ области синтаксиса. Синтаксисъ, по опредѣленію научной грамматики, изучаетъ сочетанія формъ словъ. Какъ можно изучать сочетанія формъ, не опираясь на логику, если всѣ эти сочетанія построены только на логическихъ сочетаніяхъ? Здѣсь внѣ логики и не прибѣгая къ логическимъ критеріямъ, можно было бы сдѣлать лишь очень небольшую часть работы. Мы стали бы изучать и классифицировать сочетанія формъ. Оказалось бы, что существуютъ два типа сочетаній — согласованіе и управленіе. Мы стали бы искать законы этихъ явленій. Оказалось бы, что въ области согласованія существуетъ всего одинъ законъ: измѣняющееся по родамъ слово согласуется съ другимъ въ родѣ, числѣ и падежѣ. На этомъ наше научное изученіе и остановилось бы: дальше итти, внѣ логическихъ отношеній, некуда. Но и этотъ формальный и единственный законъ не имѣлъ бы никакого значенія: мы не знали бы, гдѣ онъ примѣняется. Измѣняющееся по родамъ слово согласуется съ другимъ, — но съ какимъ другимъ? Формальное изученіе могло бы дать на этотъ вопросъ одинъ лишь отвѣтъ: съ словами, стоящими рядомъ или поблизости. И это было бы абсурдомъ. Чтобы замѣнить этотъ абсурдъ закономъ, приходится обратиться къ логикѣ, такъ какъ только логическія отношенія (приписываніе предмету такого-то признака) опредѣляютъ то слово, съ которымъ другое согласуется. Въ области управленія формальное изученіе не могло бы дать даже такихъ единообразій, какія представляются въ парадигмахъ этимологіи. Всѣ попытки подобрать сочетанія въ группы и классифицировать ихъ привели бы насъ къ убѣжденію, что тутъ подборъ не ведетъ къ законамъ; мы

нашли бы, что всякія слова, имена и глаголы, могутъ управлять всякими падежами, и не могли бы разобратьса въ этомъ хаосѣ безъ обращенія къ логикѣ. Не умѣя же установить законовъ согласованія и управленія, мы никогда не дошли бы до законовъ сочетанія словъ въ предложеніе и предложеній въ рѣчь. Посмотримъ, какъ же выходитъ изъ этихъ непреодолимыхъ затрудненій научная грамматика.

Она и здѣсь прежде всего рѣзко отграничиваетъ грамматику отъ логики. Она утверждаетъ: «Скажу ли я: «отъ теплоты тѣла расширяются», или «теплота расширяетъ тѣла», или «объемъ нагрѣтыхъ тѣлъ увеличивается», или «теплыя тѣла занимаютъ большее пространство, чѣмъ холодныя», и т. д. и т. п., переведу ли какое угодно изъ этихъ совершенно различныхъ сочетаній на какой угодно изъ языковъ человѣческихъ съ какимъ угодно грамматическимъ строемъ, во всѣхъ языкахъ всѣ эти и имъ подобныя сочетанія будутъ имѣть одинъ с м ы с л ь; повышение температуры тѣла и увеличеніе объема его находятся между собою въ отношеніи причины и слѣдствія. Точно такъ же, скажу ли я: «день слѣдуетъ за ночью, а ночь за днемъ», «день и ночь смѣняютъ другъ друга», «будетъ день, будетъ и ночь», «день да ночь, и сутки прочь», и т. д. и т. п., смыслъ всего этого будетъ одинъ: день и ночь находятся въ отношеніи взаимной послѣдовательности. Ясно, что этотъ единый общечеловѣчскій смыслъ мы открываемъ не въ нашей рѣчи, а помимо нея». «Какъ существуетъ въ насъ д о я з ы к о в о е мышленіе безъ словъ, общее намъ съ животными и изучаемое въ психологій, какъ существуетъ я з ы к о в о е мышленіе словами, изучаемое въ языковѣднїи, такъ существуетъ с в е р х ь - я з ы к о в о е или н а д ь я з ы к о в о е мышленіе п о в е р х ь словъ, изучаемое въ логикѣ». «Три стороны мышленія пришлось раздѣлить между собою тремя наукамъ, и на долю языковѣднїи выпала только я з ы к о в а я сторона».

Такимъ образомъ, по ученію научной грамматики, логика и грамматика вѣдаютъ совершенно различными предметами. Мысль одна; словесныхъ ея выраженій очень много, и они различны въ разныхъ языкахъ. Законы логики всеобщі; законы словесныхъ сочетаній — особые въ каждомъ языкѣ. Логика изучаетъ мысль, грамматика изучаетъ не мысль, а лишь словесное выраженіе мысли, — будемъ называть это словесное выраженіе фразой. Какъ изучается мысль въ логикѣ мы знаемъ; посмотримъ, какъ изучать фразу внѣ мысли.

Мы не станемъ постепенно слѣдить за изложеніемъ научнаго синтаксиса; предпочтемъ войти сразу въ самую суть дѣла: возьмемъ нѣсколько опредѣленій изъ научнаго синтаксиса.

Подлежащее есть «обозначеніе предмета, создающаго свою дѣя-

тельностью признакъ, выраженный въ сказуемомъ». Обстоятельство «есть слово, обозначающее признакъ признака въ предметъ». Дополненіе «есть форма, изображающая предметъ въ его отношеніяхъ къ другому предмету или къ признаку предмета». Распространенное предложеніе опредѣляется такъ: «такой-то главный предметъ, стоящій въ связи съ такими-то второстепенными предметами, признаками и признаками признаковъ, создаетъ своею дѣятельностью такой-то свой главный признакъ, состоящій въ связи съ такими-то второстепенными предметами, признаками и признаками признаковъ».

Перечитывая эти и подобныя опредѣленія и сопоставляя ихъ съ указанною выше задачей научнаго синтаксиса, мы находимся въ полномъ недоумѣніи. Намъ обѣщали дать науку, отмежеванную отъ логики, — и преподносятъ квинтъ-эссенцію логики со всѣмъ логическимъ препаратомъ, съ логическими терминами и логическими понятіями. Въмѣсто открытаго поля, отмежеваннаго отъ логики, насъ повели въ самую дебри этой логики. Разберемся же, какъ могло это выйти.

Научная грамматика для научнаго синтаксиса отмежевала фразу, предоставивъ логикѣ мысль. Этимъ способомъ она пытается отдѣлить логику отъ грамматики. И дѣйствительно, это было бы полнымъ размежеваніемъ. Намъ оставалось бы прослѣдить, какъ научная грамматика устанавливаетъ законы и классификацію въ отмежеванной области, нисколько не считаясь съ логикой и ея предметомъ — мыслью. Изъ теоретическихъ разсужденій мы видѣли, что эта надежда едва ли осуществима. И однако научная грамматика преподнесла намъ для этой области опредѣленія, классификацію и законы. Какъ же это вышло? Не произошла ли тутъ какая-нибудь подмѣна? Быть-можетъ, научная грамматика, отмежевавшись отъ логики, все-таки изучала не фразу, а мысль? Тогда все понятно. Она считаетъ себя отдѣленною отъ логики, потому что себѣ рѣшила оставить фразу, а логикѣ предоставить мысль. Но на дѣлѣ, подмѣнивъ одинъ предметъ другимъ, стала изучать мысль; и тогда понятно, почему научный синтаксисъ оказался квинтъ-эссенціей логики. Такъ это и было.

Припомнимъ начальныя разсужденія о языковомъ и надъязыковомъ мышленіи. Нѣтъ ли тамъ очень крупнаго недоразумѣнія? «День слѣдуетъ за ночью, а ночь за днемъ», «будетъ день, будетъ и ночь», «день да ночь, и сутки прочь», — это, по ученію научной грамматики, фразы, а не мысли. А мысль тутъ одна и та же: «день и ночь находятся въ отношеніи взаимной послѣдовательности». Но это совершенно невѣрно. Тутъ приведены три мысли, а не три фразы съ одною и тою же мыслью. «День да ночь, и сутки прочь», — неужели эта на-

родная поговорка, иллюстрирующая безопасность человѣка, тоже-
ственна съ перифразой: «день и ночь находятся въ отношеніи взаимной
послѣдовательности»? Въ примѣрахъ, касающихся расширенія тѣль
отъ теплоты, тоже приведены были не четыре фразы и одна мысль,
а пять мыслей, нѣсколько сходныхъ между собою, и выраженныхъ
пятью фразами. Когда мы сказали: «повышеніе температуры тѣла и
увеличеніе объема его находятся между собою въ отношеніи причины
и слѣдствія», мы облекли мысль въ слова, сказали фразу. Пока не
облекли, мы имѣли дѣло съ очень сложнымъ физическимъ явленіемъ,
которое могло быть источникомъ многихъ мыслей. Передъ глазами
у насъ были предметы, части предметовъ, признаки и т. д.; въ душѣ
возникали массой соотвѣтствующія ощущенія и представленія, но одной
законченной мысли еще не было. Но вотъ мы выдѣлили одно пред-
ставленіе, выдѣлили другое, связали ихъ, получилась мысль. Другой
наблюдатель произвелъ эту работу въ другомъ порядкѣ: мы начали
съ источника энергіи, другой началъ съ наблюдаемаго тѣла, третій
съ нормъ температуры и т. д. Это не зарожденіе одной и той же мысли,
а зарожденіе разныхъ мыслей. Едина здѣсь не мысль, а физическое
явленіе, внѣшніе факты, давшіе однообразныя ощущенія. Для сло-
веснаго выраженія своей мысли нужно подобрать слова. Тутъ большія
затрудненія и большой произволь, такъ какъ въ языкѣ не хватаетъ
словъ для изображенія всѣхъ оттѣнковъ мысли, а изъ запаса словъ
нужно дѣлать очень быстрый выборъ, такъ что некогда анализировать
всѣ оттѣнки значеній въ словахъ. Вслѣдствіе этихъ затрудненій
мысль часто выражается неточно, фраза отступаетъ отъ мысли. Когда
мысль выражена даже въ неточной формѣ, мы и можемъ имѣть дѣло
только съ этою выраженной мыслью. Какое было несоотвѣтствіе,
этого мы не можемъ узнать, потому что невыраженное осталось въ тай-
никахъ души. Если оно осталось въ тайникахъ не чужой, а нашей души,
мы можемъ повторить попытку, подыскать другія слова. Одинъ го-
ворить: «отъ теплоты тѣла расширяются»; другой говорить: «объемъ
нагрѣтыхъ тѣль увеличивается». Точно ли фразы соотвѣтствуютъ
мыслямъ этихъ людей, мы этого не знаемъ; но съ другой стороны,
мы вынуждены повѣрить словамъ и выраженное принять за мысль,
а иначе мы ничего не будемъ знать и у насъ не будетъ никакого пред-
мета для анализа. Мы не можемъ также рѣшить вопроса, съ какого
представленія первый началъ свою работу и съ какого второй,
такъ какъ мы имѣемъ на лицо только сложный комплексъ предста-
вленій, въ которомъ нельзя разобрать, гдѣ начало, гдѣ середина и
конецъ. О степени точности мы можемъ судить изъ сравненія фразъ
другъ съ другомъ и съ нашею мыслью о томъ же явленіи, если оно

и нами наблюдалось, вызвавши мысль и у насъ. Кто говорилъ: «расширяются», тотъ, вѣроятно, былъ менѣе точенъ, нежели говорившій: «объемъ увеличивается», потому что тутъ, если мы сами видѣли это явленіе, увеличивается не только «ширина», но также и длина и высота», т.-е. цѣлый объемъ. Намъ говорятъ, что логика занимается надъязыковымъ мышленіемъ. Она имъ не занимается, она имъ не можетъ заниматься. Физическимъ явленіемъ, дающимъ содержаніе мысли, занимается не логика, а физика; ощущенія и представленія, возникающія у наблюдателя, остаются въ тайникахъ души, если они не выражены словомъ, — ими тоже логика не можетъ ни въ какомъ случаѣ заниматься. Вопросами, какъ возникаютъ ощущенія и представленія, какъ возникаетъ матеріаль для душевной работы, занимается не логика. Логика занимается мыслями сложившимися и выраженными. Несложившаяся мысль не даетъ матеріала для логики; невыраженная мысль остается въ тайникахъ души, никому невѣдомой. Если я анализирую свои собственные мысли, я ихъ все-таки долженъ выразить, — а иначе получится молчаніе, а не матеріаль для логики. Логика изучаетъ, конечно, и элементы мысли, но это она можетъ дѣлать лишь путемъ разложенія сложившихся и выраженныхъ мыслей.

Такимъ образомъ оказалось, что научная грамматика, увѣрявшая, что она мысль игнорируетъ, въ дѣйствительности занимается именно мыслью: она изучаетъ скрытую въ фразѣ мысль; отсюда — вся эта логическая терминологія, весь этотъ логическій препаратъ. Мало того: она въ этомъ изученіи идетъ дальше, чѣмъ логика; къ ясной и точной наукѣ она прибавляетъ цѣлую массу новыхъ логическихъ хитросплетеній.

Отношенія между мыслью и словомъ, конечно, недостаточно еще изучены. Въ сужденіи логика различаетъ только подлежащее, связь и сказуемое. Но за недостаткомъ въ языкѣ словъ мы далеко не всегда подлежащее и сказуемое можетъ обозначить двумя только словами; для обозначенія отдѣльныхъ представленій и понятій намъ постоянно приходится прибѣгать къ цѣлымъ комплексамъ словъ, такъ что логическое подлежащее или сказуемое выражается и однимъ словомъ и цѣлымъ комплексомъ словъ (грамматическимъ подлежащимъ со всѣми относящимися къ нему словами и грамматическимъ сказуемымъ съ относящимися къ нему словами), а въ каждомъ комплексѣ заключается обозначеніе нѣсколькихъ предметовъ, свойствъ или дѣйствій. Какъ составляются эти комплексы (и въ томъ числѣ очень сложные, соотвѣтствующіе придаточнымъ предложеніямъ), какъ изъ обозначенія многихъ предметовъ, свойствъ и дѣйствій составляется одна мысль,

и т. д., — этихъ вопросовъ логика еще не изучала: въ эту сторону еще возможно дальнѣйшее и очень большое расширеніе науки. Но научная грамматика расширила логику не въ эту сторону, а совершенно въ другую, гдѣ расширеніе привело къ хитросплетеніямъ. вмѣсто того, чтобы разсматривать, какъ слагается фраза, она разсматриваетъ уже сложившуюся фразу и пытается установить логическія отношенія (не называя ихъ логическими) между всѣми словами, составляющими распространенное предложеііе. Такое изученіе сложившихся или, иначе сказать, употребляемыхъ въ языкѣ фразъ даетъ ученымъ безконечную, не бесплодную работу, потому что имъ придется, съ открытіемъ разныхъ раритетовъ въ языкѣ писателей, въ народныхъ говорахъ, въ вновь возникающихъ выраженіяхъ, постоянно мѣнять свои нормы.

Попытка установить логическія отношенія между всѣми словами, составляющими распространенное предложеііе, потому и повела къ логическимъ хитросплетеніямъ, что для выполненія этой задачи не хватало обычныхъ логичныхъ терминовъ и установленныхъ логикою нормъ. Пришлось выдумывать новые термины или брать термины логическіе въ иномъ смыслѣ, не въ томъ, какъ ихъ употребляетъ логика. Разсмотримъ, напр., приведенныя выше опредѣленія членовъ предложеііа и предложеііа распространеннаго. обстоятельство «есть слово, обозначающее признакъ признака въ предметѣ». Что такое «признакъ признака»? допустима ли такая логическая комбинація?

Сказуемое означаетъ признакъ подлежащаго, — это понятно: это — логическая истина, выраженная логическими терминами. обстоятельство въ отношеніи къ сказуемому опять названо признакомъ (признакъ сказуемаго или «признакъ признака»); но второй разъ логическій терминъ употребленъ уже произвольно и, значитъ, неправильно, если онъ не соотвѣтствуетъ тому, что означаетъ собою въ логикѣ. «Лошадь бѣжить быстро», — словомъ «бѣжить» здѣсь помѣчается признакъ лошади, но «бѣжить» не означаетъ предмета, и быстрота не можетъ быть названа въ данной фразѣ признакомъ бѣга. Тутъ можно сказать лишь то, что признакъ, заключенный въ сказуемомъ, есть представленіе сложное, для обозначенія котораго недостаточно слова «бѣжить». Сложное составилось изъ огромной массы простыхъ (о количествѣ представленій можно судить по числу, напр., фотографическихъ снимковъ, которые можно сдѣлать съ движеній бѣгущей лошади, наблюдаемыхъ нами, положимъ, въ минуту времени). Большую часть этого комплекса представленій мы обозначили словомъ «бѣжить», но нѣкоторая ихъ доля не подошла подъ это слово: ее мы обозначаемъ добавочнымъ словомъ. Если бы мы

взяли, напр., слово «мчится», то оно покрыло бы собою весь комплекс сложнаго представленія, и намъ не нужно было бы добавочнаго слова.

Дополненіе «есть форма, изображающая предметъ въ его отношеніяхъ къ другому предмету или къ признаку предмета». Определеніе — совершенно непонятное, такъ какъ оно пользуется такимъ терминомъ («отношенія»), который отличается совершенною неопредѣленностью и въ разныхъ областяхъ и наукахъ (въ томъ числѣ и въ логикѣ) употребляется въ самыхъ разнообразныхъ смыслахъ. Совершенно невразумительно и определеніе распространеннаго предложенія: «Главный предметъ, стоящій въ связи съ такими-то второстепенными предметами, признаками и признаками признаковъ», и т. д. Все определеніе базируется на терминѣ: «стоять въ связи», но этотъ терминъ по своей полной неопредѣленности отнимаетъ у определенія всякое значеніе. Къ чему всѣ изысканія, если окончательный ихъ результатъ выраженъ въ туманныхъ и неопредѣленныхъ терминахъ, не дающихъ никакого положительнаго знанія? Что между словами есть «отношенія» и есть «связь», это каждый замѣчаетъ съ перваго разу и безъ всякой научной грамматики. Все дѣло въ томъ, каковы эти отношенія и въ чемъ эта связь. Если бы грамматика отвѣтила на эти вопросы, она, быть-можетъ, и стала бы научной; а отвѣтить на нихъ она можетъ лишь опираясь на другую науку, совершенно точную, — на логику.

Пав. Первозв.

Электронный архив библиотеки имени А. А. Миллера